

© С. Костецкий

**Неуловимая насекомость:
гимн непознаваемому.
Рецензия на книгу: Раффлз
Х. «Инсектопедия». М.: Ад
Маргинем, 2019.**

Хью Раффлз, профессор антропологии в нью-йоркской Новой школе социальных исследований, известен как автор работ об агентности за пределами человека (*In Amazonia: A Natural History*, 2002; *The Book of Unconformities: Speculations on Lost Time*, 2020), прежде всего — «Инсектопедии», опубликованной в 2010 г. В 2019 г. ее перевели на русский язык — надо думать, прежде всего из-за того, насколько она стала известна за пределами научного мира.

Первое, что стоит сказать об «Инсектопедии» — ее нельзя назвать научным трудом в сколько-нибудь строгом смысле этого слова. Впрочем, она и не пытается им быть: открыв ее, вы обнаружите список из 26 очерков длиной от полутора до сорока страниц. Они расположены в алфавитном порядке (в русской версии переводчики сохранили оригинальные названия глав, чтобы на это указать) — и на этом всякая энциклопедичность заканчивается.

Сюжеты о насекомых, выбранные и разработанные автором, перекликаются друг с другом, но совершенно необязательным образом. Хотя в книге присутствует несколько сквозных тем, очерки нарочито гетерогенны — настолько, что их расположение по порядку отчетливо напоминает «китайскую классификацию животных» Борхеса. Даже по перечню заголовков очевидно, что Раффлз не пытается претендовать на какую-либо когерентность, создавая нечто противоположное энциклопедической систематизации.

Костецкий Степан – независимый исследователь. e-mail: kos_tezkiy@rambler.ru

Для цитирования: Костецкий С. Неуловимая насекомость: гимн непознаваемому. Рецензия на книгу: Раффлз Х. Инсектопедия. М.: Ад Маргинем, 2019 // *Антропологии/Anthropologies* 2024. № 1. С. 158-163, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/158-163>

То же касается и жанра: в тексте автор последовательно держится в междисциплинарном пространстве. Это этнография без этнографической группы, зато со значимой долей травелога и автофикшна — настолько значимой, что книга однозначно имеет и литературную ценность (это, впрочем, несколько скрадывается русским переводом, обоснованно поставившим во главу угла передачу смысловых нюансов, а не эстетических изысков). Вместе с тем, однако, это все еще текст, созданный ученым, который не отвергает теоретические рамки, но прикладывает их к материалу непринужденно и изящно. История и философия науки, история искусства, STS, антропология после человека, историческая/политическая экология... дискурсы переплетаются, и мысль автора может пролететь сквозь несколько личных, исторических и теоретических сюжетов в рамках одной главы. Так, короткая глава «Смерть» (Death) подразделяется на «Удовлетворение» (Diligence), «Сомнение» (Doubt), «Различие» (Difference) и «Поражение» (Defeat) и совмещает воспоминания Раффлза о собственном опыте работы дезинсектором с анализом стихотворения польской поэтессы о мертвом жуке, впечатлениями от посещения инсектариума в Монреале, описанием роли трупных мух в ужасах Второй мировой войны и философскими рассуждениями о человеческой и нечеловеческой смерти (С. 46–50). Такое лоскутное повествование, рикошетиющее от темы к теме, предполагает гипертекстуальность книги и возможность читать ее с любой страницы, но представляется, что Раффлз все же ожидает от читателя классического чтения слева направо — более поздние главы содержат отсылки к более ранним, но не наоборот, и в сложной полифонии и полиритмии книги все же угадывается некая мелодия.

Методологическая вольность, выводящая «Инсектопедию» из рамок научных жанров, отделяет ее от работ, с которыми ее было бы наиболее уместно сравнить тематически. Хотя «Как мыслят леса» Эдуардо Кона (*Кон* 2018), «Динамика Слизи» Бена Вударда (*Вудард* 2016) и «Гриб на краю света» Анны Цзин (*Цзин* 2017) тоже заняты попыткой взглянуть на отношения человека с принципиально нечеловеческим, они, как представляется, имеют вполне очерчиваемую программу своего интеллектуального предприятия, последовательно прикладывают некую теоретическую рамку к рассматриваемому материалу и несут в себе некие конкретные выводы, в то время как книга Раффлза противопоставлена большей части той истории науки, которой сама же и посвящена: повторяющаяся вновь и вновь недосказанность довольно ясно показывает, что автор не ставит целью сформулировать отчетливые выводы, обобщения и гипотезы.

Эксперименты по обнаружению самых неожиданных насекомых в верхних слоях атмосферы; история первых натуралистических иллюстраций Нового времени как способ выразить религиозное чувство; сексуальная перверсия, связанная с убийством насекомых, и попытки американского государства сделать ее нелегальной; альбом современного музыканта, основанный на звуках короедов внутри древесины; расшифровка языка пчел немецкими учеными (до нацистов, во время и после них); использование самими нацистами образа «паразитов» для уничтожения евреев; споры об инстинктах и эволюции в творчестве величайшего французского энтомолога Жана Фабра; уникальным образом сохранившаяся культура детской любительской энтомологии в Японии, из-за которой Фабр среди японцев известнее, чем на родине; китайцы, бережно разводящие сверчков для бескровных поединков; африканцы, уми-

раюшие от голода из-за катастрофических нашествий саранчи; рассуждение о кворности в мире насекомых — чем дольше перечисление сюжетов, тем очевиднее становится, что единого нарратива у книги нет, и автор не стремится его выстроить. У этого положения дел есть внутренняя логика: говоря об антропологических исследованиях нечеловеческого, Раффлз подчеркивает, что «объект» изучения (если его можно обозначить таким словом) диктует антропологу характер текста, который тот производит (Giles 2021).

Объясняя свой интерес к теме в одном из аудио-интервью, посвященных книге, Раффлз говорил, что антропологи, занимающиеся отношениями человека с другими видами, почти всегда обращаются к теме домашних питомцев и других одомашненных животных, через них выходя на вопросы класса, расы и прочих структур угнетения (Giles 2021). Он отмечал, с насекомыми это не срабатывает: люди стремятся распространить и на них свой «империалистический» контроль, однако те неизменно ускользают от этих попыток (Raffles 2012).

«У нашего беспокойства есть упрямая причина, неведомая нам самим, выбивающая из колеи. Мы просто не можем увидеть себя в этих существах. Чем больше мы их рассматриваем, тем меньше нам известно. Они не такие, как мы. Они не реагируют на проявление любви, милосердия или раскаяния. Это что-то похуже равнодушия. Это глубоко мертвое пространство, где нет ни взаимности, ни чувства сродства, ни подкупающего обаяния» (С. 49), — эту цитату из «Инсектопедии» в рецензиях на нее приводят, возможно, чаще всего. Высказанная в ней интуиция в разных формулировках и с помощью самых разных метафор и иллюстраций пронизывает всю книгу, но в интервью журналу «Cabinet», которое Раффлз дал еще на стадии подготовки «Инсектопедии», он раскрывает ее, пожалуй, наиболее подробно и прямо. Раффлз утверждает, что попытки «расшифровать» то различие, которое существует между нами и насекомыми, то есть описать их через сугубо человеческие способы различать феномены (такие, например, как язык), заведомо бесплодны. Начиная мысль с базового антропологического вопроса о том, как возможно понимание Другого, он приходит к тому, что различие, разрыв между человеком и насекомым, о котором идет речь — не эпистемологический, а онтологический, то есть принципиально не предполагает решения с помощью техник познания (Najafi 2007).

Значит ли это, что пропасть непреодолима? Раффлз принципиально отказывается отвечать на этот вопрос, предпочитая фокусироваться на том, как люди по-разному отвергают ее — с помощью языка науки, искусства или иного способа обратиться к межвидовому различию — и призывая читателя вслед за ним обратить внимание на насекомых. По его мнению, *«вопрос разрыва, характера этого разрыва, равно как и вопрос того, как этот разрыв преодолеть — вопросы, ведущие в никуда»*. В том числе и в буквальном смысле к уничтожению: определение человека через «насекомого» Другого, указывает он, исторически помогало прочертить линию между человеком и не-человеком и выписать во вторую категорию других людей — так, как это делали нацисты с евреями, руандийские хуту — с тутси и т.п. Он подробно говорит об образе евреев как насекомых-паразитов в «гигиеническом дискурсе» нацистской пропаганды в десятой главе книги (С. 140–157), вполне ясно выражая эту мысль.

На месте же вышеупомянутого вопроса о преодолении пропасти «Инсектопедия» ставит огромную выколотую точку, по диаметру которой и располагается все содержимое книги. Наполняют этот диаметр сюжеты об усилиях человеческого познания в его стремлении к принципиально (по мнению Раффлза) недостижимому; о том, чем насекомые оказываются в определенный момент и в конкретной локации для того, кто с ними соприкасается; о том огромном, хоть и незаметном влиянии, которое на человека и общество оказывают крошечные существа. Он пишет как о сообществах, включивших соприкосновение с насекомым в свою традицию (или включенных в него поневоле, как жители Африки, страдающие от саранчи) — так и о людях, *«которые вошли в мир насекомых, а он, в свою очередь, вошел в их внутренний мир, которые порой тонули в мире насекомых, а порой находили в нем свои правильные ориентиры, так что нормальный масштаб бытия, стандартные иерархии существования, где мы знаем маленьких существ, потому что они физически меньше нас, и знаем неразумных существ, потому что они лишены наших способностей, больше не был отправной точкой для действия или осмысления, так что колоссальность обстоятельств, предопределяющих их жизнь, могла приобрести иные пропорции»* (с. 346).

Длинные, пространные фразы Раффлза вьются, нарочитой монотонностью оттеняя яркость содержимого, далеко за пределы тем, напрямую связанных с насекомыми — и невозможно представить себе, что это происходит случайно. Как известно со слов самого автора (Giles 2021), со своими студентами он разбирает художественную литературу, потому что отказывается редуцировать язык до способа донести тезис и аргументы и хочет, чтобы письмо, даже академическое, использовалось и воспринималось во всей его комплексности. По его собственному признанию, он склонен многократно переписывать фрагменты текста, пытаясь добраться до неуловимого идеала. Явная литературность роднит «Инсектопедию» с «Жизнью в пограничном слое» Робин Киммерер (Kimmerer 2023). Это автофикшн-высказывание ученой-бриолога о связи со мхом — объектом ее многолетнего изучения — на личном, гендерном и этнокультурном уровне. Несмотря на внушительный подзаголовок «Естественная и культурная история мхов», эта книга точно несравнима с «Инсектопедией» по широте — но Киммерер (будь она энтомологом) могла бы стать одним из героев книги Раффлза, глубоко увлеченных людей, посвятивших жизнь природным феноменам.

Человеческие, общественные и личные истории, которые для «Инсектопедии» выбрал Раффлз, объединены не только темой соприкосновения с насекомым, но и той ключевой характеристикой, которую он наблюдает и подсвечивает собственно в насекомых: они удивительны. В каком-то смысле эта книга — не что иное, как коллекция интеллектуально-эстетических сокровищ, кабинет редкостей, отражающий личное любопытство и кругозор автора. Ключ к восприятию «Инсектопедии» именно как кунсткамеры находится в главе «Невыразимое» (The Ineffable), посвященной энтомологическим иллюстрациям фламандского миниатюриста Йориса Хуфнагеля. Он говорит о «способности удивляться», которая в XVI в. определяла культурного человека и которая сформировала коллекционирование как аристократическую практику, а затем, с ростом рационализма, потеряла свою интеллектуальную свежесть и стала считаться чем-то вульгарным, чрезмерно эмоциональным. Книга Раффлза в каком-то смысле обращает вспять этот процесс расколдовывания мира (Вебер 1990: 713), призывает присоединиться к эксперимен-

ту по обратному «заколдовыванию» природных и человеческих феноменов: ссылаясь на Аристотеля, он напоминает, что именно удивление чудесным аспектам реальности породило философию и проложило путь к подлинному знанию (С. 129). В той же главе, будто специально маркируя свое возвращение к магии не как регресс, но как принципиально новый взгляд на вопрос, Раффлз цитирует эссе Вальтера Беньямина о мимесисе (С. 135).

Описание, которые получают феномены от Раффлза, вполне можно назвать насыщенным (Гири 2004: 3–30), в духе классической этнографии — в первую очередь по той причине, что он решительно настроен расширять границы человеческого дискурса. Выстроить критику его подхода представляется крайне сложной задачей: в нем отсутствует теоретическая претензия, если только не считать таковой следование самым основам антропологии. Теория, в тех местах, где ее получается отчетливо распознать, не приподнимается слишком высоко над фактурой — «зацепиться» фактически не за что, да и опровержение какого-либо из многих теоретических ходов Раффлза никак не угрожает «децентрализованной» концепции книги. Вряд ли стоит думать, что автор избегает научной полемики по затрагиваемым им вопросам в отдельности, однако в целом книга кажется неуязвимой для какой-либо фундаментальной критики. В этом она снова выступает как произведение искусства, а не как научный труд — ключевым оказывается эмоциональный и эстетический эффект, который она производит. Этот эффект очевиден: оригинал книги стал бестселлером и принес Раффлзу славу далеко за пределами научных кругов, а русское издание в 2023 г. сподвигло российских художников на создание одноименной выставки-перформанса по мотивам «Инсектопедии». И в экспозиции, и в постановке присутствуют прямые цитаты из работы (ГЭС-2 2023).

«Вокруг нас есть другие миры. Мы слишком часто проходим через них, ни о чем не подозревая, видим, но остаемся слепы, слышим, но остаемся глухи, цураем, но ничего не чувствуем, скованные несовершенством наших органов чувств, банальностью нашего воображения, нашей уверенностью в том, что все вращается вокруг нас» (С. 17), — в этой цитате из начала книги содержится, возможно, единственный ясный побуждающий смысл, который с ее помощью хочет передать Во многом это компенсирует ненаучность его труда: хотя он не делает чётких исследовательских высказываний, он выражает соответствующий тип интуиции, научного чувствования, которое, пожалуй, не менее важно для учёного, чем структура и дисциплина.

Онтологическая неуловимость и чудовищное, титаническое многообразие насекомого как феномена¹ отражаются, в соответствии с убеждением автора о роли объекта описания, на характере книги. Не претендуя на ответ на вопрос о сущности Другого, она дает представление о невероятном разнообразии человеческих соприкосновений с «насекомым миром»; путей, которыми люди и насекомые влияют на жизни друг друга; объема возможных интерпретаций того и другого. «Инсектопедия» оставляет такое же ощущение, какое у героев Раффлза вызывают насекомые: чувство удивления, соприкосновения с чем-то чрезвычайно сложным, ярким и вдохновляющим, многогранным, но при этом непознаваемым, никогда не открывающим вполне своего действительного содержимого. Вряд ли можно даже приблизительно обозначить, каким конкретно образом она, как и неожиданная встреча с насекомым, касается человека

¹ Насекомые составляют две трети от всех существующих в животном царстве видов, более одного миллиона из полутора миллионов — одних только видов жуков-усачей в мире существует больше, чем видов рыб (Reuters 2023).

и на что она способна его сподвигнуть — кажется возможным только зафиксировать сам факт соприкосновения и некоего неизбежного сдвига в восприятии инаковости насекомых.

Источники

Giles, Neale, Dalley, Meher, Barlow. 2021. Conversations in Anthropology #42. Hugh Raffles. URL: <https://conversationsinanthropology.wordpress.com/> (дата обращения: 17.03.2024)

Najafi, Sina 2007 THE LANGUAGE OF THE BEES: AN INTERVIEW WITH HUGH RAFFLES. Cabinet, Spring. 2007. URL: https://www.cabinetmagazine.org/issues/25/najafi_raffles.php (дата обращения: 17.03.2024)

Raffles 2012. Big Think Interview with Hugh Raffles. URL: <https://bigthink.com/videos/big-think-interview-with-hugh-raffles/> (дата обращения: 17.03.2024)

Reuters 2023. The collapse of insects. URL: <https://www.reuters.com/graphics/GLOBAL-ENVIRONMENT/INSECT-APOCALYPSE/egpbykdxjvq/> (дата обращения: 17.03.2024)

ГЭС-2. 2023. Инсектопедия: Спектакль и выставка по мотивам одноименного бестселлера американского антрополога Хью Раффлза. URL: <https://ges-2.org/insectopedia> (дата обращения: 17.03.2024)

Литература

Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.

Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь: Гиле Пресс, 2016.

Гириц К. Интерпретация культур // гл. ред. С.Я. Левит; пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Борзунова. М.: РОССПЭН, 2004.

Киммерер Р. У. Жизнь в пограничном слое. Естественная и культурная история мхов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.

Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Цзин А. Л. Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem, 2017.

Book Review

Kostetskiy S. The Elusive Insectness: a hymn to the Unknowable. Book Review: Raffles H. Insectopedia. Moscow: Ad Marginem, 2019. // *Антропологии / Anthropologies*, 2024, no 1, pp. 158-163, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-1/158-163>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kostetskiy S. | kos_tezkiy@rambler.ru | Independent researcher

